

Эдда Вайганд

РАЗРЕШЕНИЕ КОНФЛИКТА В СУДЕ

(Перевод с англ. яз. Т. В. Дубровской. Оригинальная версия статьи на английском языке опубликована в журнале «Studies in Communication Sciences», специальный выпуск, 2005. С.193–202.)

1. Аргументация и действительность

Чтобы обратиться в небольшой статье к такой сложной теме как «разрешение конфликта» или «судебная аргументация», с самого начала необходима точность. Поэтому прежде всего я выдвину несколько основных положений, лежащих в основе моей модели описания. Обоснования этих положений и положений, из них вытекающих, вы можете найти в моих работах по проблеме «диалогических сюжетных игр»¹ [Weigand, 2000; Weigand, 2002; Weigand, в печати a].

Во-первых, главный вопрос, который следует решить, это вопрос, с чего начать: с теории или с объекта исследования. К сожалению, в западной культуре мы уже более двух тысяч лет начинаем с теории, в частности с понятия теории, которое предположительно должно за счет обобщений превратить сложную проблему в логическую или функционирующую по определенным правилам систему. Однако страстные лингвисты, такие как Мартине [Мартине, 1975], всегда в глубине души знали, что сначала мы должны попытаться понять сложный объект исследования, не разрушая его потребностью в методологии. В принципе я считаю фундаментальной методологической ошибкой начинать с теории, фактически не зная, о чем теория. К примеру, именно таким образом мы обнаруживаем, что аргументация, получившая определение силлогизма, т. е. полученное логическим путем умозаключение, или монологическая схема анализа оставляют нерешенной проблему того, как аргументация работает в диалогическом взаимодействии [Toulmin, 1958].

Второе основное положение, на которое я хотела бы обратить внимание, это утверждение о понятии действительности. Что такое действительность? Что такое окружающий мир? Есть ли основание полагать, что человеческие существа, язык и мир представляют собой отдельные сущности? По моему мнению, человеческие существа изначально являются частью мира, а их способность говорить, думать и воспринимать – это присущая им и неотделимая от них сущность. Мы не можем выйти за пределы понимания и осознания. Следовательно, реальности как таковой не существует. Мы воспринимаем реальность через фильтр наших способностей. Именно глаз наблюдателя определяет свойства так называемой действительности.

Из этого второго утверждения вытекает третье, являющееся существенным для анализа, поскольку оно дает нам возможность комплексного понимания проблемы. Человеческие существа действуют, исходя из цели, которая определяется их собственными интересами и нуждами. Будучи существами общественными, мы обговариваем свое положение в повседневных, институциональных и медийных диалогах [Weigand, Dascal, 2001].

Исходя из этих основных утверждений, мы обратимся сейчас к вопросу о том, что такое аргументация [Cattani, 2001; van Eemeren, 2001; Toulmin, 2001]. И опять я постараюсь выразить мысль кратко и емко. Аргументация, будучи естественным

¹ В оригинале использован термин «dialogic action game», который был запущен в лингвистический обиход автором статьи. Суть явления «dialogic action game» состоит в том, что диалог является формой самых разных игр, сопровождающих все виды человеческой деятельности. – Примечание переводчика.

явлением, это явление интерактивное, связанное с вызывающим разногласия предметом спора и различными утверждениями, которые собеседники делают об этом предмете [Weigand, в печати b].

Сейчас я представлю суть реального судебного процесса, фрагменты которого я буду анализировать (примеры приведены на английском языке², а оригинальный текст на немецком дан в приложении к статье; судебные стенограммы содержатся в [Altehenger, 1996, с. 289]). Это дело о подержанном автомобиле. Предметом спора стал внешний вид автомобиля. По мнению истца, на автомобиле была ржавчина, а обширные участки, покрытые ржавчиной, были просто покрашены к моменту продажи. По мнению ответчика, на автомобиле можно было обнаружить только небольшие пятна ржавчины, которые отсутствовали на момент продажи. Обе стороны подтверждают свои точки зрения мнениями экспертов. Таким образом, мы имеем заключения двух экспертов, которые по-разному решают, казалось бы, незначительный эмпирический вопрос. Очевидно, что даже и не существует эмпирически объективных фактов. Вследствие этого суд запрашивает еще одну дополнительную экспертизу, которая бы точно разъяснила некоторые пункты, первый из которых следующий:

(1) установить, имел ли автомобиль в тот момент, когда был доставлен истцу, обширные участки ржавчины на днище, что повлияло на несущие нагрузки части кузова.

2. Как разрешить спор

Аргументация в суде должна рассматриваться как диалогический способ разрешения конфликта или как обсуждение вопроса, вызывающего разногласия. (См. также [Stati, 1990, с. 63]). Разногласия относительно предмета спора основаны на двух противоположных утверждениях о реальном положении вещей: тезисе и антитезисе. Роль аргументации, таким образом, отлична от роли аргумента. В то время как аргументацию следует рассматривать в качестве диалогической сюжетной игры с целью представления ситуации в определенном свете,³ аргументы выполняют функцию вспомогательных ходов в репрезентативных или директивных сюжетных играх в зависимости от того, поддерживают ли они утверждение о факте или утверждение о волеизъявлении посредством убеждения [Weigand, 1999].

Аргументация как репрезентативная сюжетная игра начинается с двух репрезентативных речевых актов, содержащих противоположные утверждения о фактах. Тезис имеет инициативный характер, антитезис появляется как реакция на неприятие тезиса [Weigand, 2003]:

Схема 1. Аргументация

тезис	↔	антитезис
инициативный		реактивный

² В настоящем переводе английские примеры переведены на русский язык. – Примечание переводчика.

³ В оригинале – dialogic representative action game. – Примечание переводчика.

Теперь принципиальный вопрос состоит в том, как посредством диалога устранить разногласия мнений относительно фактов действительности. Вопрос в том, как поддержать тезис и антитезис аргументами. Вес аргументов будет влиять на ход обсуждения. Я думаю, что в принципе существует три способа обоснования утверждений об истине, которые соответствуют трем различным подтипам репрезентативных речевых актов [Weigand, 1989; Weigand, 1991].

Во-первых, может применяться указание на эмпирические наблюдения. Однако не существует эмпирических доказательств как таковых. Эмпирическое наблюдение зависит от степени точности и оценки, свойственных человеку, и это становится очевидным в нашем примере с автомобилем. Ссылка на эмпирические наблюдения представляет собой разновидность речевого акта, обозначаемого как констатив. Истина представляется очевидной. Кажется, она бросается вам в глаза. Говорящий сообщает об очевидном, но одновременно придает очевидности форму, обусловленную его личной точкой зрения или оценкой. Первый вопрос, связанный с представленным выше заключением, о том, присутствовали ли обширные участки ржавчины, касается истины такого типа.

Кроме того существует указание на здравый смысл и знания, полученные в результате опыта. В этой ситуации мы имеем дело с утверждениями о подразумеваемой истине, которая может быть обоснована посредством таких указаний. Эти утверждения представляют собой разновидности репрезентативных речевых актов, обозначаемые как ассертивы и делиберативы, или предположения. В случае с бывшим в употреблении автомобилем требовалось, чтобы эксперт прояснил два подобных вопроса. Его задачей было:

(2) установить, была ли уже в наличии ржавчина того рода и степени распространения, как это было описано, на момент 1 октября 1990 года, и

(3) установить, действительно ли, дефекты не могут быть устранены, как утверждает истец.

Есть и третий путь разрешения противоречий посредством диалога, если они не были разрешены с помощью эмпирических наблюдений или оценки эксперта. Это возможность вынесения судебного решения или достижения соглашения. Судебное решение или соглашение в суде – это декларативный речевой акт, который устанавливает справедливость по закону и таким образом создает реальность. С этого момента конфликт разрешен на юридическом уровне: вопрос, кто прав и кто виноват, кого считать виновным, а кто невиновен, разрешен.

3. Институциональный процесс судебного заседания

Институциональный судебный процесс следует рассматривать как сложный аргументативный процесс разрешения конфликта, который силой закона прекращает спор относительно разных представлений о фактах. С точки зрения истца и ответчика, положение об истине играет второстепенную роль. И того, и другого прежде всего интересуют акты их волеизъявления: как в нашем случае с подержанным автомобилем, изъявление истцом желания получить компенсацию. Это волеизъявление, однако, может быть обосновано только посредством прояснения лежащих в его основе утверждений о фактах.

Судебный процесс, являясь процессом институциональным, зависит от законодательной культуры в данной стране. Все аспекты, связанные с предметом спора, должны быть озвучены в ходе судебного процесса, к примеру, сторонами обвинения и

защиты в прениях, а также в показаниях свидетелей и экспертов, и далее использованы для обоснования принятого решения. Таким образом, они становятся аргументами в финальном судебном решении. Среди аргументов решающую роль играют аргументы, основанные на так называемых косвенных доказательствах. Поэтому само судебное решение, по крайней мере, в немецкой судебной культуре, включает не только декларативные речевые акты, но и описывает ход событий в ходе процесса и вне его с помощью сложного аргументативного текста. Представляются различные точки зрения и приводятся аргументы, которые повлияли на разрешение судом спора между истцом и ответчиком. Текст судебного решения, однако, представляет собой только один компонент в составе сюжетной игры судебного процесса, являющейся сложным культурным образованием.

4. Роль экспертиз как компонентов аргументации в судебном процессе

Давайте более подробно рассмотрим часть реального заключения эксперта. Чтобы понять этот текст, необходимо увидеть его взаимосвязь с другими компонентами судебного процесса. После противоречащих друг другу экспертных заключений, представленных истцом и ответчиком, третье экспертное заключение, запрошенное судом, должно дать ответы на три четко сформулированных вопроса, которые мы приводили выше.

(4) Фрагмент заключения эксперта

Осмотр машины, которая в данный момент находится в гараже дома истца, позволил установить наличие 5 участков ржавчины размером с ладонь на днище в передней левой четверти со стороны пассажира. Отдельные участки ржавчины, некоторые в виде точек, некоторые в виде пятен, также просматриваются в задней правой четверти днища. Коррозия также распространилась на центральную правую соединительную планку между крышей и рамой транспортного средства.

Судя по типу и степени распространения повреждений, *я считаю весьма вероятным*, что антикоррозийное покрытие, выполненное на заводе, было недостаточным. Поэтому металл был защищен только частично, что в течение следующих месяцев привело к установленным посредством осмотра повреждениям.

Я могу исключить возможность того, что это повреждение возникло в период с 01.10.90 до сегодняшнего дня.

Выполнение антикоррозийной обработки после этого *не позволило бы полностью* устранить повреждение, которое уже было нанесено. В лучшем случае это остановило бы дальнейший процесс коррозии.

Положения, которые важны для нашей дискуссии, выделены курсивом. Заключение эксперта – это репрезентативный текст, составленный в соответствии с необходимостью ответить на три вопроса. Ответы даны в виде репрезентативных речевых актов, которые стоят в реактивной позиции, так как весь текст представляет собой реакцию на три поставленных вопроса. Что касается первого вопроса о наличии обширных признаков коррозии, то ответ представляет собой констатив, точно указывающий в первом абзаце на количество ржавчины вербальными средствами индикатива: *позволил установить наличие 5 участков ржавчины размером с ладонь*. Что касается второго вопроса «Когда появилась ржавчина?», ответ на него в третьем

абзаце представляет собой ассертив: *Я могу исключить возможность*. Он основан на знаниях эксперта об антикоррозийной обработке, выполняемой на заводе, отчасти выраженных делиберативом в виде предположения, потому что утверждать можно только о высокой вероятности: *я считаю весьма вероятным, что антикоррозийное покрытие было недостаточным*. То же самое действительно и для третьего ответа, который выражен не индикативом в настоящем времени, а будущим временем в немецком варианте и условным наклоном в английском, что указывает на элемент рассуждения: *не позволило бы полностью устранить повреждение*.

Остается рассмотреть аргументативную роль заключения этого эксперта в принятии судебного решения, поскольку решение принимает не эксперт, а суд после рассмотрения representative текста эксперта.

(5) Часть судебного решения

Согласно докладу эксперта, херра Вагнера, который не оспаривался обвиняемым, автомобиль, предоставленный истцу, имел обширные участки коррозии в области днища кузова, салона и правой центральной планки между крышей и днищем. В результате доклада эксперта суд также принял убеждение, что такое повреждение не возникло после передачи автомобиля истцу в октябре 1990 года. Учитывая установленную степень распространения ржавчины на поврежденных участках, это, в соответствии с убедительными показаниями эксперта, было бы невозможно по техническим причинам.

Наконец, согласно докладу эксперта, дефекты не могут быть полностью устранены.

Коррозийные повреждения на автомобиле значительно снижают его стоимость и возможности использования по сравнению с новым автотранспортным средством. От истца не требуется принять это снижение ценности, и, таким образом, иск по поводу гарантии обоснован.

Из этого фрагмента судебного решения, представляющего собой часть вердикта, которая обозначена как «Основания судебного решения», становится совершенно понятно, что нет независимых фактов, но есть утверждения эксперта, которые исследуются и оцениваются судом:

(6) В результате доклада эксперта суд также принял убеждение, что такое повреждение не возникло после передачи автомобиля истцу в октябре 1990 года.

Так называемые факты, которые можно наблюдать, и знания эксперта вместе принимаются судом с целью достижения состоятельного решения:

(7) Учитывая установленную степень распространения ржавчины на поврежденных участках, это, в соответствии с убедительными показаниями эксперта, было бы невозможно по техническим причинам.

Наконец, согласно докладу эксперта, дефекты не могут быть полностью устранены.

Судебное решение основано на аргументированных выводах и маркировано словом «therefore» (таким образом):

(8) ... таким образом, иск по поводу гарантии обоснован.

5. Заключение

Я думаю, стало очевидно, что знания эксперта играют важную роль в процессе аргументации в суде. Репрезентативные речевые акты соответствуют утверждению об истине, причем не абсолютной истине, а частному утверждению говорящего об истине, которая зависит от знаний и опыта говорящего. Таким образом, утверждение может быть усилено статусом говорящего. Легче поверить репрезентативным речевым актам, произнесенным экспертом. Предполагается, что эксперты не принимают ничью сторону в споре. Однако даже несмотря на то, что эксперты должны руководствоваться исключительно специальными знаниями, показания разных экспертов могут оказаться различными в зависимости от их знаний и оценок, как это и произошло в рассматриваемом деле.

Судебный процесс полностью зависит от институциональной специфики, помещенной в условия конкретной правовой культуры. В рамках сравнительных исследований следует изучить разные правовые культуры и более подробно проанализировать отдельные компоненты целого, среди которых вербальный компонент судебных стенограмм. Для этого необходим обширный материал аутентичных текстов на разных языках.

Аргументация как сложный процесс диалогической сюжетной игры представляет собой диалогическое взаимодействие между людьми, которыми движут их собственные интересы. Только рассматривая комплекс в целом, мы можем надеяться решить вопрос, как явные и скрытые интересы определяют ход диалога.

Литература

1. ALTEHENGER, B. Forensische Texte / B. ALTEHENGER. – Hamburg: Buske, 1996.
2. CATTANI, A. Botta e risposta. L'arte della replica / A. CATTANI. – Bologna: Il Mulino, 2001.
3. MARTINET, A. Functional Linguistics. La linguistique fonctionnelle. In: MARTINET, ANDRE. Studies in Functional Syntax. Études de syntaxe fonctionnelle, 9-81 / A. MARTINET. – München: Fink, 1975.
4. STATI, S. Le transphrastique / S. STATI. – Paris: Presses Universitaires de France, 1990.
5. TOULMIN, S. The uses of argument / S. TOULMIN. – London: Cambridge University Press, 1958.
6. TOULMIN, S. Return to reason, Cambridge/Mass. / S. TOULMIN London: Harvard University Press, 2001.
7. Crucial concepts in argumentation theory / F. VAN EEMEREN (ed.). – Amsterdam: Sic Sat, 2001.
8. WEIGAND, E. Sprache als Dialog. Sprechakttaxonomie und kommunikative Grammatik / E. WEIGAND. – Tübingen: Niemeyer, 1989.

9. WEIGAND, E. The dialogic principle revisited: speech acts and mental states. In: STATI, SORIN/WEIGAND, EDDA/HUNDSNURSCHER, FRANZ (eds.). *Dialoganalyse III*, Bd. I / E. WEIGAND. – P. 75–104. – Tübingen: Niemeyer, 1991.
10. WEIGAND, EDDA. Rhetoric and argumentation in a dialogic perspective. In: RIGOTTI, EDDO (ed.) in collaboration with Sara Cigada: *Rhetoric and Argumentation*, 53-69, Tübingen: Niemeyer, 1999.
11. WEIGAND, EDDA. The dialogic action game. In: COULTHARD, M./COTTERILL, JANET/ROCK, FRANCES (eds.). *Dialogue Analysis VII. Working with Dialogue*, 1–18 / E. WEIGAND. – Tübingen: Niemeyer, 2000.
12. WEIGAND, E. The language myth and linguistics humanised. In: HARRIS, ROY (ed.). *The Language Myth in Western Culture*, 55–83 / E. WEIGAND. – Richmond, Surrey: Curzon, 2002.
13. WEIGAND, E. (forthcoming a). Constitutive features of human dialogic interaction. Mirror neurons and what they tell us about human abilities. In: STAMENOV, MAXIM/GALLESE, VITTORIO (eds.). *Mirror neurons and the evolution of brain and language* / E. WEIGAND. – Amsterdam/Philadelphia: Benjamins.
14. WEIGAND, E. (forthcoming b). Argomentazione giuridica – uno sguardo europeo. In: *Teoria e tecnica dell'argomentazione giuridica. Atti del seminario dell'Avvocatura* / E. WEIGAND. – Roma, 12 ottobre 2002, Consiglio Nazionale Forense.
15. *Negotiation and Power in Dialogic Interaction* / E. WEIGAND, M. DASCAL (eds.) – Amsterdam/ Philadelphia: Benjamins, 2001.

Appendix: The authentic German texts

(cf. the court records in Altehenger 1996: 289ff.)

- (1) festzustellen, ob der dem Kläger gelieferte Pkw ausgedehnten Rostbefall am Unterboden aufweist, der auch tragende Teile der Karosserie befallen hat,
- (2) Rost nach Art und Umfang des Mangels schon am 01. 10. 90 vorhanden gewesen sein muß, und
- (3) der Mangel nicht zu beseitigen ist, wie der Kläger behauptet.
- (4) Bei Besichtigung des Pkw, der z. Zt. in einer Garage am Hause des Klägers abgestellt ist, wurden am Unterboden im vorderen linksseitigen Viertel der Bodenfläche des Fahrgastraumes 5 handtellergröße Roststellen festgestellt. Ein gestreuter Rostbefall teils punktförmig, teils in Form kleinerer Flächen, wurde auch im hinteren rechten Viertel der Bodenfläche erkennbar. Der Rostfraß hat auch bereits den rechtsseitigen mittleren Verbindungsholm zwischen Dach und Rahmen des Fahrzeugs erfaßt.

Nach Art und Umfang der Schäden halte ich es für sehr wahrscheinlich, daß die werksseitig vorgesehene Rostschutzbehandlung unzureichend war. Der Werkstoff blieb dadurch teilweise ungeschützt, so daß es im Laufe mehrerer Monate zu den festgestellten Materialschäden kommen konnte.

Ich halte es für ausgeschlossen, daß diese Schäden in der Zeit vom 01.10.1990 bis heute auftreten konnten.

Eine nachträgliche Rostschutzbehandlung wird die bereits eingetretenen Schäden nicht mehr vollständig beseitigen können. Sie ist allenfalls geeignet, den weiteren Rostfraß zum Stillstand zu bringen.

- (5) Der dem Kläger gelieferte Pkw weist nach den Feststellungen – von der Beklagten nicht angegriffen – des Sachverständigen Wagner umfangreiche Rostschäden im Bereich der Bodenplatte, des Fahrgastraumes und am rechten mittleren Holm zwischen Dach und Bodenplatte auf. Nach den Ausführungen des Sachverständigen ist das Gericht auch davon überzeugt, daß diese Schäden nicht erst nach Übergabe des Fahrzeuges im Oktober 1990 aufgetreten sind. Angesichts des Ausmaßes der festgestellten Schadstellen ist dies nach den überzeugenden Ausführungen des Sachverständigen aus technischen Gründen nicht möglich.

Schließlich kann der Mangel nach den gutachtlichen Ausführungen auch nicht vollständig beseitigt werden.

Die am Pkw vorhandenen Rostschäden bewirken eine erhebliche Minderung des Wertes und der Tauglichkeit dieses ansonsten neuwertigen Fahrzeuges, die der Kläger nicht hinzunehmen braucht. Der Anspruch des Klägers auf Gewährleistung ist daher begründet.